

Приведем одну из легенд о Тасбергене, рассказанную Сабытом Жусуповым¹³. «Однажды в пылу вдохновения Тасберген сделал в заключение не пять (недостижимое для рядового сказителя число), а семь кругов-поворотов, каждый из которых поднимался все выше и выше. И тут почтенные старцы не выдержали: „Прскрати, Тасберген! Неужели ты замыслил такое проклятие грядущим поколениям! Твои потомки будут обречены умирать, никогда не достигнув этого совершенства!“ С тех пор Тасберген не преступал границ доступного человеческим способностям и не совершал посягательства на неземное совершенство».

Так сохранялась традиция — так она жила: ее величие очевидно. Эпическая среда берегла эпические нормы исполнительства.

На этом позволим себе закончить характеристику основных сказителей, истории и теории казахского эпического исполнительства, как они фрагментарно вырисовываются из наших экспедиционных материалов. Мы сознательно отдали предпочтение живому описанию конкретных фактов и тех традиций, которые очень важны, по нашему убеждению, для понимания подлинной природы эпического исполнительства. Каждое новое поколение особо выделяет наиболее актуальное, каждая среда подходит к эпосу со своими требованиями, знание и понимание которых обязательны для сказителя. В его репертуаре происходит постоянное обновление тем, и даже современность оказывается подвластной приемам эпического отражения. Эта возможность реализуется только при бережной передаче опыта сказительства и сохранении традиционных эстетических критериев.

¹³ Сабыт — внук Жусупа и сын Музарапа, известных сказителей и певцов прошлого, до недавнего времени был профессиональным жыршы. Из-за неожиданной потери голоса (простуда, приведшая к стойкому несмыканию голосовых связок) он в настоящее время не поет, хотя участвует во всех сказительских формах общения, пользуется большим авторитетом как представитель семейной династии и знаток традиции.

М. Д. Савуров

СОВРЕМЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ У УЙГУРОВ УЗБЕКИСТАНА

Процессы сближения народов СССР в ходе развития новой исторической общности советского народа проявляются в разных сферах. Современные этнические процессы отражаются, в частности, в развитии и трансформации антропонимических моделей.

В советское время в антропонимии уйгуров Узбекистана произошли значительные изменения. Она развивалась главным образом в двух направлениях: трансформации структуры антропонимической модели и изменении состава традиционного именника¹.

Традиционная антропонимическая модель уйгуров включала только имя; лишь иногда для уточнения указывалось имя отца или местожителство данного лица: город, кишлак, квартал, например: Исмаил Саид, т. е. Исмаил сын Саида, Абдураим Ортуши, т. е. Абдураим из Ортуша, и т. п.

Наиболее распространенными среди уйгуров были имена арабские, вошедшие в их именник с принятием ислама. У мужчин это имена пророка Мухаммеда и праведных халифов — Абу-Бекир, Омар, Осман, Али, имена религиозных подвижников, например сыновей Али — Хасан и

¹ Никонов В. А. Современные антропонимические процессы у народов СССР // Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977. С. 291.

Хусан, мудреца Лукмана и пр. Кроме того, в качестве имен широко употребляли эпитеты Аллаха — Рахим (милостивый), Рахман (милосердный), Джаббар (могущественный), Карим (щедрый) и др. Женские имена восходят к именам матери, жены и дочери Мухаммеда — Амина, Хадиджа, Фатима; девы Марии; женщин-подвижниц и известных своим благочестием — Рабия, Зубайда и др.

В традиции уйгуров также давать имена по названиям месяцев, дней недели, праздников. Например, мужские имена Сафар и Раджаб соответствуют названиям второго и седьмого месяцев арабского лунного календаря. Особенно широко были распространены имена по названию девятого месяца поста Рамадан — в форме Рамазан или Рузи. Дням недели соответствовали имена Душанба (понедельник), Джума (пятница), Безар (воскресенье); названиям праздников — имена Хейт (праздник разговенья — Рамазан-Хейт), Курбан (праздник жертвоприношения — Курбан-Хейт), Навруз (праздник весеннего равноденствия). Женские имена этой группы всегда употребляются с традиционными компонентами в постпозиции, например, Джумагуль, Курбанбуви и др.

Значительное место в традиционном уйгурском именнике занимают имена в честь библейских пророков и персонажей: Нух — Ной, Якуб — Яков, Муса — Моисей, Дауд — Давид, Ибрагим — Авраам, Сулейман — Соломон, Иса — Иисус, Юсуф — Иосиф, Исхак — Исаак, Исафил — архангел, Юнус — Иона и др.

Отдельную группу имен составляют имена, имеющие смысловую нагрузку, например: Хамид — восхваляющий, Халил — верный друг, Умид — надежда, Маджит — могущественный. Эти же имена могут даваться и женщинам, но с добавлением окончания -а: Хамида, Халима, Умида, Маджида.

К группе имен арабского происхождения относятся сложные составные имена, состоящие из имени или эпитетов Аллаха, один с компонентом Абд-(слуга, раб), например: Абдулла — слуга Аллаха, Абдурахман — слуга милосердного; другие с компонентом -дин (вера, религия) — Камалатдин, Насретдин и др.

Займованные арабские имена в уйгурском языке подвергались изменениям в соответствии с фонетическими нормами этого языка, например: Мухамед — Махамат, Карим — Кярим, Хадидже — Хеличе, Убайдулла — Абайдулла, Ибрагим — Ибраим и т. д.

Значительное место в именнике уйгуров занимают имена героев восточных легенд и сказок: Рустам, Фархад, Тахир, Ширин, Зухра, Зулейха и др.

Следующую группу имен у уйгуров Узбекистана составляют имена, широко распространенные вообще у тюркских народов. Мужские: Батыр — богатырь, Арслан — лев, Пулат — сталь, Темир — железо, Алмас — алмаз, Баки — кормилец; женские: Гюльоим — цветок, госпожа, Гюльхан — королева цветов, Турсунбиби — остановись, госпожа, Алмасхан — королева алмазов и др.

Среди традиционных имен, имеющих предзнаменательное значение и широко известных в большинстве тюркских языков², следует назвать Турсун — «пусть останется», Улмас — «не умрет» и др. Эти имена давали новорожденному мальчику или девочке в случае смерти ранее рожденных детей. В таких же случаях новорожденных иногда отдавали кормилице. Через определенный срок ребенка возвращали матери в обмен на подарки, после чего ему давали имя Сотыволды (купленный).

Детям, имеющим какие-либо физические отличия (лишние пальцы на ногах или руках) давали имя, в состав которого входило слово «артик», т. е. лишний, например; Артикали, Артыкхон; родимые пятна: Таджи — грешок, корона — Таджибек, Таджихон. Имеющим и другие отличия давали имя Нишан (знак, признак).

² Жанузаков Т. Ж. Обычаи и традиции в казахской антропонимии // Этнография имен. М., 1971. С. 161.

Было принято называть близнецов именами, создающими антропонимические серии: Хасан и Хусейн, Фатима и Зухра, Хасан и Зухра, Фатима и Хусейн и другие варианты. Эта традиция сохраняется и в настоящее время. В некоторых уйгурских семьях имена детей (чаще всего отдельно братьев или сестер) образуют антропонимические серии, т. е. дети одной семьи нарекаются таким образом, что их имена по семантическим или формальным (а иногда по формально-семантическим) признакам схожи.

В составе мужских имен и фамилий уйгуров часто встречаются компоненты -хан, -бек, -жан, -коре, а у группы уйгуров кашгарлыков еще и -ахун. Последний был частью имен у большинства мужчин старшего и среднего возраста, например: Кадырахун, Маматахун, Рузиахун и др. Интересно, что в прошлом в Узбекистане среди местного населения уйгуры были известны под названием ахун. Компонент -коре (в значении человека, знающего наизусть коран, от арабского слова *кра* — «читать») чаще всего встречался у выходцев из уйгурского города Кучара⁴.

В формировании антропонимических серий у уйгуров важную роль играют компоненты -улла, -ур, прибавляемые к именам, например: Абдулла, Хабибулла, Убайдулла; Шамсинур, Бибинур и др. Реже встречаются серии имен, начинающихся с одной и той же буквы: Ахмад, Азиз, Аман, Батыр, Бахрам или имеющих одни и те же окончания: Карим, Рахим и некоторые другие.

Женские имена уйгуров образовывали прибавлением к мужским компонента -гуль, -хан, -нур, -буви, например: Орзигуль, Ризвангуль, Зайнахон, Саодатхан, Бибинур, Шамсинур, Саниямбуви, Айшабуви и др. Последние более характерны для женщин-таранчи. В целом вышеназванные компоненты, и в особенности -гуль, широко употребляемы в антропонимии тюркских народов, главным образом Средней Азии⁵.

Помимо имени иногда давалось прозвище (лакаб), которое обычно указывало на какую-то заметную черту характера, наружности или деятельности человека, например: Ахмад-пон (Ахмад — глухой), Абдурайм-кизганчик (Абдурайм — скупой), Ибой-тошкан (Ибой — заяц), Кярим-сичкан (Кярим — мышь) и др. Данная традиция сохранилась у уйгуров Узбекистана и в настоящее время.

Некоторые прозвища даются теперь на русском языке, что отражает этнические процессы, происходящие в уйгурской антропонимии.

Изменения в антропонимии уйгуров Узбекистана происходят под влиянием постоянных и устойчивых контактов с окружающими народами. Большую роль играют также такие факторы, как отход от религии, большая свобода для молодых родителей в выборе имен своим детям и т. д. Так, в результате контактов с узбеками у уйгуров Узбекистана (особенно Ферганской долины) к мужским именам ныне добавляется элемент -жан (в прошлом употреблявшийся редко). В этой форме имена записаны в документах: например: Ганижан, Набижан, Рахматжан и др. Значительно уменьшилось число имен с компонентами Абд-, -дин, Аллах и составных, двухосновных имен, ранее господствовавших у уйгуров⁶.

В последнее десятилетие в именнике уйгуров Узбекистана значительное место занимают такие имена, как, например, у мальчиков: Фуркат — разлука, Алишер — лев пророка, Улугбек — великий правитель, Дильшад — радость души; у девочек: Нилуфар — лотос, Лола — тюльпан, Фирюза — бирюза, Рано — красивая, т. е. широкое распространение по-

³ Ройзензон Л. И., Бобоходжаев А. Антропонимические серии у узбеков Нураты (Самаркандская область)//Ономастика Средней Азии. М.: Наука, 1978. С. 144.

⁴ Полевые записи автора в г. Ташкенте. 1979 г. Хранятся в архиве автора.

⁵ Баскаков Н. А. Элемент *gül* «роза, цветок» в составе каракалпакских женских имен//Ономастика Средней Азии. С. 138.

⁶ Гафуров А. Таджики//Имена народов мира. М.: Наука, 1970. С. 28—35; Никонов В. А. Среднеазиатские материалы для словаря личных имен//Ономастика Средней Азии. С. 154.

лучили имена благозвучные или в своей основе несущие положительный эмоциональный заряд.

Вместе с тем в именнике уйгуров появились интернациональные и русские имена, во-первых, созвучные традиционным: Мария, Роза, Софья; во-вторых, совершенно новые: Светлана, Наташа, Саша и др. Этот процесс особенно заметен в городах.

На развитие этих процессов влияет и тот факт, что женщины теперь обычно рожают в роддоме. В некоторых из них детям дают имена в соответствии с разработанными учеными рекомендательными списками имен, которые имеются в каждом загсе⁷, хотя прежде всего учитываются пожелания родителей. В 1950—1960-е годы рекомендации выдавались загсом для правильного написания имен в документах, теперь и для самого выбора имен новорожденным. В последние годы в Узбекистане в связи с процессом формирования и развития новой социалистической обрядности все более распространяется обряд именнаяречения. Он проводится в торжественной обстановке и способствует распространению у уйгуров Узбекистана интернациональных имен⁸.

Отметим также такой факт, что молодежь, особенно юноши в кругу друзей, сослуживцев, помимо традиционных имен имеют также второе, русское имя, обычно начинающееся с той же буквы, что и национальное. Например, Али — Алик, Батыр — Боря, Карим — Коля. Интересна в этом плане трансформация имен, употребляемых в национально-смешанных семьях. Так, в колхозе им. Ким Пен-Хва Ташкентской области в одной уйгурской семье невестка — кореянка по имени Ульяна. Родители мужа зовут ее Марьям.

Именник детей в национально-смешанных семьях уйгуров отличается от именника в однонациональных семьях. Чаще всего в нем сочетаются традиционные, русские и интернациональные имена. Обычно это бывает в семьях, где молодые супруги живут отдельно от родителей мужа, а также в многонациональных кварталах или поселках. В уйгурско-татарских семьях кроме уйгурских имен мальчикам часто дают имена Руслан, Тимур, Эдуард; девочкам — Эльмира, Эльвира, Венера, Аида. Возможно, родителей привлекает экзотичность этих имен по сравнению с именниками обеих национальностей, представленных в семье⁹. Имена Эльмира, Венера, Эдуард очень характерны для казанских татар¹⁰. Кроме того, в уйгуро-татарских семьях значительное место занимают традиционные татарские имена: Фарид, Фуад, Дамир, Камиль, Шавкат, а также вошедшие в их именник сравнительно недавно — Рафаэль, Клара, Марат и др. В целом в национально-смешанных семьях уйгуров Узбекистана интернационализация именника происходит намного быстрее, чем в однонациональных.

Новым компонентом в антропонимической модели большинства уйгуров в советское время стала фамилия, основу которой составляет имя отца или деда. Такие фамилии образуются в соответствии с нормами русского языка добавлением окончания -ов, -ев, например: Тасим — Тасимов, Назим — Назимов, Баки — Бакнев и др. Фамилии уйгуров Узбекистана, образованные от мусульманских и тюркских имен, схожи с фамилиями других народов Среднеазиатского региона, а также некоторых других народов. Женщины, как правило, при замужестве принимают фамилию мужа.

В последние десятилетия, особенно со времени вступления в силу акта «Основы законодательства СССР о браке и семье» (1967 г.), у уйгу-

⁷ В некоторых загсах помимо списков имен имеется и научная литература по антропонимии. Например, в Центральном загсе Янгйюльского района Ташкентской области мы видели книгу: Ю. Федосюк. Русские фамилии. М., 1981.

⁸ Савуров М. Д. Новое в семейной обрядности корейцев, уйгуров и дунган Узбекистана//Общественные науки в Узбекистане. 1985. № 4. С. 38.

⁹ Современные этнические процессы. С. 291; Никонов В. А. Среднеазиатские материалы для словаря личных имен//Ономастика Средней Азии. С. 158.

¹⁰ Большаков И. В. О татарских именах//Ономастика Поволжья, 3. Уфа, 1973. С. 50.

ров в официальных документах закреплена обязательность трехчленного наименования (фамилия, имя, отчество).

Таким образом, антропонимическая модель уйгуров Узбекистана в результате этнокультурных процессов претерпела значительные изменения и в целом схожа с таковой у других народов Средней Азии и Казахстана.

А. И. Локотко

ТИПЫ ТРАДИЦИОННОЙ ЗАСТРОЙКИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА В БЕЛОРУССИИ [XIX — СЕРЕДИНА XX В.]

Линейная (погонная) застройка крестьянской усадьбы в Белоруссии — интересное явление в белорусском народном зодчестве. Ее генезис как в историческом плане, так и в разрезе развития народной архитектуры требует изучения. Особенно важно ответить на вопрос, почему именно погонная застройка стала традиционной в народном зодчестве Белоруссии.

Погонная застройка отразилась в облике современной деревни, сохранив свои черты в новых социальных и хозяйственно-бытовых условиях.

В этнографической литературе накоплены сведения, дающие достаточно полное представление о линейной застройке. Этнографы XIX — начала XX в. изучали взаимосвязь в этом типе застройки жилых и хозяйственных помещений, их последовательность. В исследованиях Е. Р. Романова находим подробные описания однорядных и двухрядных погонов¹. И. А. Сербов подробные описания однорядной и двухрядной застройки дополняет указанием размеров дворов, что позволяет легко воссоздать планировочную схему двора². Многочисленные схемы двухрядной застройки находим в труде А. Харузина³. Они дают представление о вариативности расположения жилых и хозяйственных помещений. Дореволюционные этнографы описали многочисленные варианты планировочных решений погонных дворов Белоруссии, показали их зависимость от хозяйственно-бытовых функций. Однако неисследованными остались вопросы становления, эволюции одно- и двухрядных дворов, формирования их как этнической традиции, связи с переходными формами и другими типами застройки двора.

В значительной степени эти вопросы решаются в исследованиях советских этнографов. Так, в работе Н. И. Лебедевой, например, анализируется развитие двухрядных дворов в процессе семейных разделов, в результате чего в глубь усадьбы друг за другом выстраивались четыре двухрядных двора: отца, двух сыновей и внука⁴.

В исследовании Е. Э. Бломквист белорусский погон рассматривается как звено в динамичной системе типов застройки двора восточных славян — западно-белорусский подтип открытого двора⁵. Л. А. Молчанова связывает развитие погонной застройки с «волочной реформой» XVI в.

¹ Романов Е. Р. Материалы по этнографии Гродненской губернии. Вып. 1. Вильна, 1914. С. 21.

² Сербов И. А. Поездки по Полесью 1911 и 1912 гг. Вильна, 1914; *Сербаў І. А.* Вічынскія паляне. Этнаграфічны нарыс Беларускага Палесся. Ч. 1. Мінск, 1928. С. 8—9.

³ Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907. С. 32, 44, 50, 56

⁴ Лебедева Н. И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. М., 1928. С. 40.

⁵ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник (ТИЭ. Т. XXXI). М., 1956. С. 162—163.